

The image is a movie poster. On the right side, there is a large, close-up portrait of a woman with light green eyes and a serious expression. On the left side, in the background, a man with a mustache, resembling Joseph Stalin, is seated in a dark wooden chair. He is wearing a dark military-style jacket and holding a pair of brass knuckles. Behind him, two silhouetted figures in dark clothing and hats stand in a hallway. Wisps of smoke or steam are visible in the air. At the bottom of the poster, there is a white plate with a yellow envelope, a red wax seal, and a small metal cross on a chain.

Юрий Петренко

**Тайны Валентины —
последней любви Сталина.
Меченые козыри Особого
сектора**

Юрий Петренко

**Тайны Валентины — последней
любви Сталина. Меченые
козыри Особого сектора**

«Автор»

2026

Петренко Ю. А.

Тайны Валентины — последней любви Сталина. Меченые козыри
Особого сектора / Ю. А. Петренко — «Автор», 2026

Основано на реальных документах. Стихи Сталина подлинные. Валентина знала другого Сталина. Её называли «кремлевской фавориткой» и «хозяйкой Кунцево». Простая тульская женщина Валентина Истомина становится единственным человеком, которому угасающий вождь доверяет свою жизнь, лекарства и самые сокровенные мысли. Для Берии и Хрущева она — смертельно опасный свидетель, умеющий читать шифры на фарфоровых блюдах и знающий подноготную каждого члена Политбюро. В марте 1953 года великий титан падает, и «волки» Кремля начинают бойню за власть прямо у его постели. Чтобы выкупить свободу сына, Валя оmyвает тело хозяина, забирает особую папку и идет на изнурительный допрос к Хрущеву. Но она еще не знает, что Сталин перехитрил соратников даже из могилы, оставив истинные ключи от империи в нательном крестике её ребенка. Плотный исторический триллер о верности, великом бабьем горе и гонке на выживание на фоне рушащейся советской империи.

© Петренко Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Цюрихский замок	5
Глава I: Подавальщица из Тулы	7
Глава II: Замена пешек	12
Глава III: Горячий завтрак сорокового	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Петренко

Тайны Валентины — последней любви Сталина. Меченые козыри Особого сектора

Пролог: Цюрихский замок

26 июня 1953 года. Подмосковье, Ближняя дача в Кунцево. 23:40.

Звякнуло разбитое стекло . Из коридора донесся топот тяжелых сапог и глухой удар — вышибли межкомнатную дверь .

Валентина Истомина стояла у стола в Малой столовой, судорожно сжимая в руках эмалированный поднос с недопитыми стаканами . За дверью кто-то хрипло выругался, послышался сухой щелчок затвора .

В комнату ворвались трое в гражданских плащах . Старший, плотный подполковник с серым от махорки лицом, сразу шагнул к Валентине . Двое других принялись методично потрошить буфет: на пол с сухим стуком полетели накрахмаленные салфетки, перевернулась супница, по паркету покатались граненые фужеры .

— Гражданка , Истомина? — подполковник жестко перехватил её за локоть. Поднос выскочил из её пальцев и с грохотом упал . — Личные записи Хозяина . Берлинские документы на Хрущева, киевские архивы . Где они?

-Твоего Берию три часа назад на Президиуме арестовали . Завтра пустят в расход. - Говори, где дубликаты, если жить хочешь .

Валя молчала, тяжело и прерывисто дыша . На её простом, круглом лице выступил пот, но она упрямо смотрела подполковнику под ноги .

— Руки убрал от неё, — из темноты дверного проема раздался ровный, глуховатый голос Ивана Истомина .

Он стоял, прислонившись к косяку, держа руку в кармане поношенного пиджака . Обычный сорокалетний мужчина, только взгляд серых глаз — тяжелый, прицельный .

— Сними людей с обыска, подполковник, — тихо сказал Иван, делая шаг в комнату . — Передай Никите, что он опоздал . Документы о его польской родне и работе на дефензиву не здесь . Они в сейфе цюрихского банка . Мои люди в Германии ждут звонка . Если с Валею что-то случится, через сутки оригиналы будут лежать на столе французских коммунистов и потом - в западных газетах . Никиту свои же на Пленуме сожрут . Уводи команду .

Подполковник внимательно всмотрелся в Истомина . Лицо полковника было как каменное — такие не блефуют . Чекист выругался, шагнул к аппарату правительственной связи в углу, набрал короткий номер . Он говорил тихо, быстро, почти не разжимая губ, слушая тяжелое сопение Хрущева в трубке .

Никита боялся .

Такой страх заставил его арестовать Берию, этот же страх сейчас парализовал его .

Подполковник медленно медленно положил трубку на рычаг .

— Шабаш, ребята. Выходим .

Они ушли так же быстро, оставив после себя разгром и стойкий запах чужого пота . Валя тяжело опустилась на табурет, упершись ладонями в колени . Её плечи мелко дрожали . Иван подошел, молча поднял с пола поднос, поставил на стол . Опустился перед женой на корточки, взял её за холодные, пахнущие мылом руки .

— Всё, Валя . Ушли .

Больше здесь искать нечего .

— Ванечка... они ведь убьют нас, — тихо, без слез сказала она . — Никита не оставит в живых . Я ведь видела, как он перед Хозяином ползал, а сам зубами скрипел .

— Не убьет, — Иван жестко сжал её пальцы . — Пока он думает, что папка в банке — мы для него бессмертные . Хозяин перед смертью всё просчитал . Это твой щит, Валя . На всю жизнь .

Глава I: Подавальщица из Тулы

Запах сосновой смолы и влажного подмосковного папоротника обрывался сразу за глухим пятиметровым забором из зеленого теса. За ним начиналась такая плотная тишина, что у двадцатилетней Вали Жбычкиной закладывало уши. В Тулы на красильной фабрике, где она два года дышала ядовитым паром над чанами, всегда что-то грохотало, выло и материлось. Здесь же птицы и те, казалось, щебетали вполголоса, словно боялись кого-то разбудить.

Валя шла по широкой гравийной дорожке вслед за Николаем Сидоровичем Власиком. Начальник охраны вождя двигался тяжело, по-медвежьи переваливаясь с боку на бок, отчего его начищенные хромовые сапоги хрустели по камням мерно и страшно, как метроном. На сукне его гимнастерки, прямо под складкой сытого подбородка, проступили темные круги пота.

К животу Валя обеими руками прижимала небольшой узелок из ситцевого платка. Внутри — сменная сатиновая юбка, пара чулок, три куска земляничного мыла и расчетная книжка со штампом штамповочного цеха. Пять классов сельской школы и два года рабочего общежития — вот и вся её анкета, которую Власик вчера трижды перечитывал в своем кабинете, водя по строчкам толстым, прокуренным пальцем.

Они поднялись на невысокое крыльцо просторного одноэтажного дома, обшитого потемневшим от дождей деревом. Власик толкнул тяжелую дубовую дверь. В нос сразу ударил сложный, незнакомый Валентине запах: дорогой табак, сукно, лизол и едва уловимый аромат свежесваренного чая с лимоном.

— Обувь снимай, — не оборачиваясь, бросил Власик. — Вон тапочки суконные в углу. Натягивай поверх носков. Чтобы ни одной песчинки на коврах не было.

Валя торопливо скинула разбитые стоптанные туфли, сунула ноги в огромные серые тапочки и пошла за комендантом по длинному коридору. Шаги тонули в толстых дорожках бутылочного цвета. По обе стороны тянулись одинаковые двери из мореного дуба, на стенах — ни одной картины, только строгие бра под матовыми стеклами.

Власик остановился у дверей просторной Малой столовой, повернулся к девушке и оперся ладонями о косяк. Взгляд у него был маленьким, заплывшим жиром, но пронзительным — Валя кожей почувствовала, как её осматривают, словно лошадь перед покупкой на ярмарке.

— Слушай меня один раз, Валентина, — негромко, но с нажимом произнес Власик. — Девка ты простая, деревенская, чистая. В Москве ни в каких кружках не состояла, языком не болтала. За это тебя сюда и взяли. Должность твоя называется «подавальщица». Работа нехитрая: накрывать на стол, убирать грязную посуду, следить, чтобы в графинах всегда была свежая кипяченая вода. На кухне повара готовят, твое дело — донести и поставить.

Он сделал паузу, прислушиваясь к какому-то шороху в глубине дома, и продолжил еще тише: — Теперь главное. Хозяин встает поздно, обедает часто ночью. Если он сидит за столом один или с гостями — тыходишь бесшумно. Блюдо поставила с левой руки — ушла. В глаза не лезть. Если Хозяин что-то спрашивает — отвечать коротко, по делу, без бабьих причитаний. Если молчит — ты для него воздух, поняла? Никаких разговоров с другими девками за забором. О том, кто приезжал, что ели, о чем шутили — забудь, как только за порог столовой вышла. Проболтаешься хотя бы подружке по общежитию — МГБ тебя из-под земли достанет, и меня заодно. Справишься?

Валя крепче прижала к груди ситцевый узелок. Горло пересохло от страха, но деревенская закваска взяла свое — она выпрямилась и ответила певучим, мягким окаянным говорком, как привыкла у себя под Тулой: — Отчего ж не справиться, Николай Сидорович? Глаза боятся, а руки делают. Работа — она не гость, в лес не уйдет, я бабьих нежинок не знаю, сызмальства у красильных баков по две смены корячилась. А насчет помалкивать — так у нас в деревне

говаривали: «Где пирог с крупой, там и рот закрой». Я девка понятливая, чужого ума мне не надо, а свой язык за зубами держать умею, чай, не корова, чтоб попусту мычать.

Власик удовлетворенно хмыкнул, и жесткие складки у его рта чуть смягчились. — Про братьев твоих знаю. Павла и Федора. Напишешь мне вечером их точные года рождения и где сейчас артельничают. Посмотрим, что можно сделать. Если они такие же молчаливые, как ты — пристроим при снабжении. Нам на Истринском водохранилище рыбаки нужны, Хозяин только свежую озерную рыбу признает. Ладно, иди на кухню к тетке Марфе, она покажет, где твое место.

Ноябрь 1936 года. Большой зал Ближней дачи. 01:15.

Прошел год. Валя Жбычкина давно сменила тульскую юбку на белоснежный накрахмаленный передник и строгую темную блузу. Она научилась ходить по паркету так, что не скрипела ни одна половица, и знала наизусть меню Ближней дачи, утвержденное Власиком. Сегодня на обед подавали суточные щи со свежей капустой и разваристой говяжьей грудинкой, шашлык из молодой баранины по особому кавказскому рецепту и живого судака, пойманного её братом Павлом на Истре и запеченного в сметане с укропом. Для гостей напекли хачапури с тягучим соленым сыром, а на десерт выставили холодный арбуз и домашнее клюквенное варенье, которое Валя закрывала сама. Из напитков на столе всегда стоял терпкий чай в серебряных подстаканниках, ледяной боржом и неизменная бутылка сухого вина «Хванчкара».

Помимо Малой столовой, в доме было еще одно место, где решались судьбы и где Валя должна была двигаться как тень. Большой зал дачи часто превращался в закрытый кинотеатр. Хозяин обожал кинематограф и лично отсматривал все новые советские картины перед тем, как выпустить их на большой экран.

В этот вечер в зале было душно от махорочного дыма. На низких кожаных диванах сидели Сталин, Молотов и Ежов. В глубине комнаты стрекотал скрытый за стеной проектор. На белом полотне экрана разворачивались кадры новой музыкальной комедии Григория Александрова «Цирк».

Валя вошла в зал с подносом, стараясь не загораживать луч проектора. Она несла свежий чай и нарезанный тонкими ломтиками лимон. На экране, сияя голливудской улыбкой и задорно встряхивая выбеленными локонами, пела и смеялась Любовь Орлова. Ее героиня Марион Диксон легко крутилась на пушке, воплощая безупречный образ новой советской женщины.

Валя на секунду замерла с подносом в руках, замороженно глядя на экран. Ей, простой деревенской девчонке с ткацкой фабрики, Орлова казалась каким-то недостижимым, неземным существом. В глубине души Валя искренне восхищалась актрисой — её грацией, сильным голосом и тем, как легко она держалась в кадре.

Сталин заметил это минутное замешательство подавальщицы. Он медленно выпустил изо рта струю сизого дыма, проследил за её взглядом и негромко, с легкой усмешкой произнес в темноту зала: — Нравится Орлова, Валя? Хорошо поет. Товарищ Шумяцкий говорит, что она — лицо нашего нового искусства. Настоящая советская героиня.

Валя испуганно опустила глаза, боясь, что её накажут за невнимательность к службе, и торопливо поставила стакан на столик возле вождя. Ей было совестно за свою оплошность, и она ответила со всей деревенской прямоотой, чуть порозовев лицом: — Уж больно баско поет, Иосиф Виссарионович, чисто соловушка в маю. На такую глядячи, и у самой душа радуется. Матушка моя говаривала: «Красна птица пением, а человек — умением». Вот у неё и пение, и умение — всё при ней, глаз не отвести. Прямо как солнышко на нашей фабричной раздаче.

Сталин чуть прищурился, глядя на экран, где Орлова как раз выводила финальные ноты «Песни о Родине», и веско добавил: — Красивая, верно. Но главное — работает много. Талант без работы в нашем государстве ничего не стоит. Товарищ Александров из неё человека сделал. Лаврентий, запиши — Орловой за эту картину нужно дать орден Ленина. Она заслужила.

6 декабря 1936 года. Час спутя. Малая столовая.

Обед начался за полночь. Вчера Чрезвычайный VIII съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР. В Кремле гремели оvationи, газеты вышли с портретами «творца самого демократического закона в мире», но здесь, в Кунцево, праздник не чувствовался. Пахло застоявшимся табачным перегаром, мокрой хвоей от камина и глухой, давящей тревогой.

В столовой стоял такой густой махорочный дым, что лампочки под потолком казались желтыми точками. За столом сидели трое. Сталин медленно прохаживался вдоль глухой стены, заложив одну руку за борт серого френча, а второй мерно покачивая трубку. Лицо его в полумраке казалось землистым, уставшим. Он остановился у большой географической карты, висевшей между дубовыми шкафами, и постучал ногтем по узкой синей полоске между Черным и Средиземным морями.

— Нам нужен выход, Вячеслав, — Сталин обернулся, затягиваясь трубкой. — Конституция — это для внутреннего пользования. А для внешнего мира главный вопрос сейчас — это Проливы. Черноморские проливы. Турки летом в Монтрё подписали конвенцию. Они думают, что заперли Босфор и Дарданеллы на замок и ключ отдали англичанам. Если начнется большая война, они закроют Проливы для нашего флота под любым предлогом, а британские линкоры пропустят прямо к Севастополю и Одессе.

За столом, низко склонившись над тарелкой с остывшим жарким, сидел Вячеслав Молотов. Он аккуратно снял очки, протер их краем скатерти и ровно, безэмоционально ответил: — Анкарские власти ведут двойную игру, Коба. Сукру Сараджоглу уверяет нас в дружбе, но их генеральный штаб фактически укрепляет северное побережье Турции, создавая там закрытые военные зоны. Они боятся нашего десанта. Но Проливы — это лишь полдела. Есть еще вопрос границ. Трабзон, Карс, Ардаган — это наши исторические земли, оторванные в двадцать первом году по Московскому договору.

Сталин сделал шаг к столу, его желтоватые глаза недобро блеснули в полумраке столовой. — Карс мы вернули бы еще тогда, если бы не предательство троцкистов. Но главное — это Арарат. Символ Армении, который сейчас торчит на турецкой территории. Большой и Малый Арарат должны вернуться в состав Советской Армении. Это вопрос не просто престижа, это вопрос стратегической высоты на Кавказе. Мы должны поставить там свои посты наблюдения. Турция слаба, она держится только на британских костылях. Когда придет время, мы предъявим им этот счет. Возврат территорий и совместный контроль над Проливами — вот наша подлинная программа на юге. Товарищ Ежов, как у нас дела с агентурой в Карской зеленке?

Рядом с Молотовым, то и дело дергая шеей, словно ему жал воротник гимнастерки, устроился Николай Ежов — новый нарком внутренних дел, сменивший Ягоду. Ежов был маленького роста, с воспаленными, полубезумными глазами и следами пепла от махорки на лацкане. Он поспешно выпрямился, его пальцы судорожно вцепились в кожаную папку с тиснением «НКВД»: — Мы укрепили пограничные отряды НКВД в Армении и Грузии, Иосиф Виссарионович. Наша агентура среди местных курдов и армян-перебежчиков работает исправно. Северное побережье Турции, особенно порты Синоп и Трабзон, у нас под негласным наблюдением. Если турки попробуют развернуть там береговую артиллерию — мы узнаем об этом первыми. Карты закрытых зон у меня в сейфе. Кадры чистим беспощадно. В аппарате ЦК обнаружили целое гнездо скрытых троцкистов. Наркомат связи забит бывшими меньшевиками. Ягода оставил после себя полное разложение — люди разучились бдеть. Мы сейчас перетряхиваем все личные дела со средних звеньев. Партия должна быть чистой, как стеклышко. «Лес рубят — щепки летят», товарищ Сталин, но мы сорняки с корнем вырвем.

Валя бесшумно толкнула бедром дверь из раздаточной, неся тяжелый поднос. Ей нужно было поменять приборы и подать свежий чай. Она подошла к столу со стороны Молотова, аккуратно забрала грязную тарелку. При словах Ежова про «сорняки и корни» она едва не выронила фарфор. У неё в деревне за такие речи могли и вилы в бок всадить, но здесь это звучало как обычный отчет. Она торопливо выставила розетки со своим клюквенным вареньем.

— Иосиф Виссарионович, кушайте горячее-то, щи сопрели совсем, — тихо, певуче говорила Валя, выставляя стаканы на сукно и пододвигая блюда. — Чайку вот свежего принесла, самый заварок. И варенье клюквенное на розетки выложила, из Тулы братуха Федор привез. Сладкое, скусное, без кислоты. Сама ягоду на болоте брала, перебирала. На здоровье, Николай Иванович. Вы кушайте, кушайте. «Хлеб-соль ешь, а правду режь», а на пустой-то желудок какая ж правда выйдет? Силы-то беречь надо, работа у вас, чай, не косить ходить — угреешься. Горы-то они горами, веками стоят — не шелохнутся, а человеку обогреться надо, чай, декабрь на дворе, мороз по коже дерет. «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется», так и с турками этими — куда они денутся, придут как миленькие, коли прижмет.

Сталин остановился. Он перевел тяжелый, желтоватый взгляд с Ежова на Валю. На секунду его суровое, изъеденное оспинами лицо расслабилось, а усы едва заметно дернулись вверх. Он терпеть не мог громких, спорящих женщин, а в этой девке видел ту самую домашнюю, бесхитростную тишину, которой ему так не хватало в Кремле.

— Клюквенное, говоришь? — глухо, с сильным грузинским акцентом произнес Сталин, беря стакан за серебряный подстаканник. — Это хорошо. Клюква — она для ума полезная. Правильно говоришь, Валя. Куда они денутся. Придут. Товарищ Ежов, положите себе побольше. А то у вас от ваших расстрельных списков лицо совсем желтое стало. Всё о заговорах думаете, совсем себя не бережете. Иди, хозяйка, отдыхай.

Ежов натянуто, подобострастно рассмеялся, отчего его тонкие губы превратились в узкую нитку. Пальцы наркома судорожно застучали по скатерти, выбивая дробь. — Спасибо, Валечка, — сирым голосом отозвался Ежов, потянувшись к розетке с вареньем. — Клюква — это правильно. Нам сейчас кислинка в самый раз.

Сталин медленно жевал мясо, слушая Ежова, а потом вдруг перевел взгляд на Молотова. Глаза вождя сузились, став похожими на две желтые щелки. — Про сорняки вы правильно говорите, товарищ Ежов. Чистить надо. Вот у товарища Молотова в Наркомпищепроме тоже, кажется, завелись интересные кадры. Полина Семеновна, супруга ваша, Вячеслав, уж больно часто стала принимать у себя заграничных гостей. То французские коммунисты у неё на чаепитии, то американские еврейские комитеты. Полина — женщина умная, партийная, парфюмерную промышленность подняла, «Красную Москву» вся страна знает. Но бабья болтливость до добра не доводит. Заграничные товарищи — они ведь тоже под микроскопом у чужих разведок ходят. Нам в Наркоминделе и вокруг него чужие уши не нужны. Время сейчас военное. Кто не с нами — тот против нас. Товарищ Ежов, присмотрите за окружением Жемчужовой. Негласно. Чтобы без обид.

В столовой мгновенно повисла тяжелая, ледяная тишина. Лицо Молотова застыло, став похожим на гипсовую маску. Он даже не шелохнулся, только желваки на скулах заходили ходунном. Он медленно взял стакан с чаем, сделал глоток и тихо, но твердо ответил: — Полина Семеновна действует строго в рамках партийной дисциплины, Иосиф Виссарионович. Все контакты с иностранцами фиксируются. Она проверяет закупки оборудования для фабрик. Но если у органов есть вопросы... я сам с ней поговорю. Дома. Чтобы никаких лишних связей не было. «Муж в дому — что глава на кону», сам порядок наведу.

Она собрала оставшиеся чашки, выстроила их на подносе и так же бесшумно скрылась за дубовой дверью кухни.

Там, в прохладном помещении раздаточной, она опустила поднос на стол и долго терла ладони о фартук. Её била крупная, нервная дрожь. Пять классов сельской школы не помогали понять большую политику, но Валя женским, первобытным чутьем понимала: за этим столом сейчас сидит смерть. И её единственное спасение — быть невидимой. Быть той самой подавальщицей, которая просто вовремя приносит горячий чай и ласково окает, пряча за поговорками великий кремлевский страх.

Сейчас она вышла в раздаточную и вдруг заметила, что ко дну фарфорового блюда, прямо на липкий след от пролитого клюквенного сиропа, приклеился крошечный, скомканный клочок папиросной бумаги. Валя перевернула блюдо — на тонкой бумаге фиолетовыми чернилами были торопливо набросаны три ряда цифр и фамилия: *Хрущев*. Ежов, сидевший весь вечер как на иголках, оставил этот след нечаянно, когда дергался за столом.

Валя замерла, не зная, куда деть руки. В эту самую секунду боковая дверь из коридора бесшумно приоткрылась, и на пороге показался силуэт Ивана Истомина — тогда еще молодого лейтенанта комендатуры. Иван не произнес ни слова. Он молча прижал палец к губам, подошел к раздаточному столу, аккуратно поддел ногтем мокрый клочок бумаги и спрятал его в обшлаг шинели.

Валя еще не знала, что этот перехваченный шифр Ежова — первая нить в глухом деле личной разведки Сталина против тех, кто пытался вести в Кремле двойную игру. Она не знала, что этот молчаливый парень у раздаточного стола станет её мужем и единственным человеком, способным вырвать её из лап будущих хозяев Лубянки. Она просто кивнула ему, уткнулась носом в накрахмаленный воротник и принялась тереть фарфор тряпкой до зеркального блеска, смывая следы чужого заговора.

Но пока на дворе стоял декабрь тридцать шестого, на экране пела Любовь Орлова, а в Малой столовой за чаем с клюквой тихо решалось, кому из соратников вождя суждено дожить до следующей весны.

Глава II: Замена пешек

5 августа 1938 года. Ближняя дача в Кунцево. 22:40.

Окна Малой столовой были открыты из-за жары. На столе остывал поздний ужин: **чахох-били** из фазана, кукурузные лепешки **мчади** и бутылка «**Хванчкары**».

За столом сидели Сталин и Лаврентий Берия. Без чинов. Они знали друг друга больше двадцати лет по кавказскому подполью. Берия в суконном френче без знаков отличия протирал замшей пенсне. Сталин кашлял и мял в пальцах папиросу «Герцеговина Флор», высыпая табак на ладонь — курить запретил врач.

— Ежов зарылся, Лаврентий, — сказал Сталин. — Николай стал много пить. Нарком внутренних дел ищет истину на дне бутылки — это тряпка.

— Он болен, Сосо, — Берия надел пенсне. — На Лубянке сидят дураки. Умеют только бить по зубам и писать протоколы под копирку. Органы чистят страну так, что скоро работать будет некому.

— Он перестал соображать! — Сталин повернулся к нему. — Шлет мне расстрельные списки на тысячи человек. А там — директора оборонных заводов, конструкторы, начальники железных дорог. Мы накануне большой драки на Западе остаемся без голов. Кто будет строить танки на Урале? Комсомольцы-выдвиженцы, которые чертеж от портрета отличить не могут? Коля обрезает меня от реальной информации с мест.

— Коля боится, что ты узнаешь правду, — ответил Берия. — Аппарат обкомовских баронов подмял его под себя. Помнишь прошлый год? Июньский пленум.

— Помню, — Сталин усмехнулся. — Я ведь тогда искренне хотел запустить альтернативные выборы по новой Конституции. Думал дать населению хлыст против зажавшихся бюрократов, вернуть права лишенцам. Хотел, чтобы эти «красные князья» обновились снизу, чтобы стахановцы и грамотные технократы их потеснили.

— И они взбунтовались, — напомнил Берия. — Испугались за свои теплые стоквартирные дома в Новосибирске и спецраспределители с икрой. Понимали, что на честных выборах проиграют вчистую любому грамотному агроному.

— Как они с трибуны орали... — Сталин прошелся по комнате. — Эйхе, Постышев, Никитка Хрущев... «Враги кругом, троцкисты в деревне пройдут, нас саботируют!». Ультиматум мне поставили: либо давай им лимиты на расстрелы и карт-бланш на чистку конкурентов, либо реформа сорвана. Требовали квоты на уничтожение, чтобы защитить свои кресла.

— И ты дал им эти квоты. Приказ ноль-ноль-четыре-сто сорок семь.

— Дал, — Сталин остановился. — Но в эти же расстрельные квоты включил и их самих. Инициаторов. Эйхе требовал расстрелов в Сибири — сам пошел под пулю. Постышев громил врагов в Киеве — сам объявлен врагом. Раз не удалась административная ротация, пришлось пустить в ход физическое обновление элиты. Но Ежов увлекся. Коля залез в оборонку. Чуть авиацию не угробил.

Берия прищурился: — По линии Туполева?

— По всем линиям! Наркомат оборонной промышленности лихорадит. Конструкторы сидят, инженеры сидят. По авиации — Туполев в тюрьме, Королев в тюрьме, Глушко в тюрьме. КБ перевернуты вверх дном. Новые скоростные истребители и бомбардировщики чертить некому, летаем на старых И-16. А немцы в Испании обкатывают свои «Мессершмитты». Мы отстаем по скорости на сто километров в час, Лаврентий!

— По артиллерии не лучше, Сосо, — добавил Берия. — В Остехбюро Курчевского Коля всех подчистил. Работы по безоткатным орудиям сорваны. Новые танковые дизели В-2 на Харьковском заводе встали, потому что главного конструктора Челпана Ежов расстрелял как

греческого шпиона. У нас танк Т-34 в чертежах завис, двигатель до ума довести некому. Разве это чекистская работа? Это вредительство.

— Вот именно! Вместо зачистки обкомовского болота он начал косить тех, кто должен ковать оружие для будущей войны. Оголил армию, КБ и заводы. Завтра выйдет указ. Назначаю тебя первым заместителем Ежова и начальником ГУГБ. Официально — ты приехал помогать Коле. Фактически — ты забираешь у него Лубянку. Тихо, без шума и крика. Перетряхни следственный аппарат. Создай для инженеров закрытые КБ, пусть прямо в заключении работают, если надо, но чертежи должны быть выданы в срок. Вытащи Королева, вытащи Туполева, дай им работать. Нам нужны новые самолеты, танки и пушки. Справишься?

— Справлюсь, — ответил Берия. — Начнем возвращать из лагерей тех, кого по глупости замели. Спецтехбюро по авиации и танковым моторам разверну немедленно. Но мне нужны свои люди в комендатуре. Здесь, на Ближней, охрану надо менять. Власик предан тебе, но он глуп. Ежовские шпионы пролезли даже в кухонную службу.

В дверь вошла Валя с подносом. Принесла свежий чай. Подошла со стороны Сталина, выставила стакан в подстаканнике.

— Покушайте, Иосиф Виссарионович, фазан-то совсем застыл, — сказала Валя. — А вы, товарищ дорогой, — кивнула Берии, — лепешки мчади берите, пока теплые. Матушка моя говаривала: *«Новая метла чисто метет, да старая под лавкой знает, где сор лежит»*. Вы в Москве человек новый, с дороги угреться надо.

Берия внимательно посмотрел на неё сквозь пенсне. Простая подавальщица при вожде выдала формулу его собственного назначения.

Сталин взял стакан с чаем. — Видишь, Лаврентий? Наша хозяйка всё знает про новые метлы. И про сор под лавкой тоже. У неё характер — кремень [INDEX]. Кормить она тебя будет исправно, но в её дела не лезь. Охрану меняй, а кухню не трогай. Иди, Валя, отдыхай.

Валя поклонилась, забрала пустой соусник и ушла.

На кухне она опустила поднос на стол. Перевернула фарфоровое блюдо, оставшееся от вечернего чая Ежова, который уехал часом ранее. На дне, на липком следе от клюквенного сиропа, сидел скомканный клочок папиросной бумаги. Валя поддела его ногтем. Фиолетовыми чернилами там было написано: *«Лаврентий едет. Никита предал»*.

Боковая дверь из коридора приоткрылась. На пороге стоял лейтенант Иван Истомин. Валя протянула ему мокрую бумажку. Иван забрал её, коротко кивнул и исчез в темноте коридора.

5 декабря 1938 года. Малая столовая Ближней дачи. 02:10.

За четыре месяца Берия полностью забрал себе Лубянку. Ежову оставили декоративный кабинет в Наркомате водного транспорта. Этот вызов в Кунцево для него был последним. Ежов пил третью рюмку коньяка, не прикасаясь к остывающему на столе жареному гусю с антоновскими яблоками. Гимнастерка висела на нем как на вешалке, лицо было серым, веки опухли.

За столом сидели Сталин, Молотов и Берия. Лаврентий сидел чуть поодаль, протирая пенсне.

Сталин ходил по комнате. Остановился у буфета, набил трубку махоркой и спросил: — Товарищ Ежов, вы читали утренний доклад по Ленинградскому управлению? Там пишут, что половина арестованных по линии Зиновьева — это обычные трамвайные кондукторы, счетоводы и стрелочники. Зачем нам кондукторы, Николай? Нам нужны заговорщики, организаторы, шпионы. Вы вместо серьезной работы устроили соревнование — кто больше людей в подвалы загонит.

Ежов дернулся, рюмка в его руке задрожала. — Иосиф Виссарионович, враг маскируется. Бьем по штабам, но и про хвосты забывать нельзя. «Лес рубят — щепки летят», — выдохнул нарком.

— Вы перерубили лес, Николай, — Сталин повернулся к нему . — И щепки ваши полетели в партийные кадры, в армию, в КБ. Дивизиями командовать некому! Чертежи новых самолетов выдать в срок не можем! Вы очистили аппарат от врагов или вы сознательно оголили тылы перед большой войной? Вы спились, товарищ Ежов. Потеряли чекистский облик.

В комнате повисла тишина. Молотов смотрел на свои пальцы. Берия надел пенсне.

Валя вошла из раздаточной с подносом, неся свежий чай и чистые стаканы .

— Ох, товарищи, еда-то остынет — только псам выбросить, — сказала Валя . — Вы испейте чайку, Иосиф Виссарионович. А вы, Николай Иванович, за коньяк-то зря так усердно беретесь. Матушка говаривала: *«Водка не колыбель, ублажает — не встанешь»*. Поешьте лучше яблочка моченого, оно хмель живо сгонит.

Ежов посмотрел на неё. Рука его дернулась, пальцы ослабли, и хрустальная рюмка покатилась по белой скатерти, заливая сукно остатками коньяка. Наркома затрясло.

Валя шагнула вперед, поймала рюмку у края стола и достала из кармана передника сухое полотенце . В три движения промокнула пятно. На лице — только привычная исполнительность .

— Ишь, разгулялась рука-то, устали вы совсем, Николай Иванович, — сказала Валя, пододвигая к Ежову чашку с горячим чаем . — Выпейте вот чаю с лимоном, он для мыслей полезнее. А скатерть — дело житейское, до утра высохнет. *«Своя грязь не трет, а чужая не льнет»*, отмоем.

Сталин посмотрел на Ежова, затем на Берию. — Видишь, Лаврентий? У нашей хозяйки порядок железный . Всё подберет, всё отмоет. Чай действительно полезнее . Товарищ Ежов, вам пора отдохнуть. Сдайте все оставшиеся дела Лаврентию Павловичу. Завтра оформите перевод в Наркомвод официально. Поезжайте спать.

Ежов медленно поднялся, едва не задев стул. Не стал пить чай. Развернулся и пошел к выходу, волоча ноги по ковровой дорожке .

Берия пододвинул к себе тарелку с судаком в сметане. — Хороший судак, — сказал Лаврентий, глядя на Валю . — И хозяйка у вас, Иосиф Виссарионович, золото. Руки быстрые, язык умный. Нам такие люди в комендатуре очень нужны.

Валя поклонилась и ушла в раздаточную, унося пустую посуду . На дне блюда, которое стояло перед Ежовым, под липким следом от яблочного сиропа, белел крошечный клочок бумаги . Нарком оставил его перед тем, как окончательно потерять контроль .

Валя зашла за дубовую дверь, прислонилась спиной к стене и перевернула фарфор . Фиолетовыми чернилами на клочке было написано три слова: *«Никита знает всё»*.

Боковая дверь комендатуры приоткрылась . На пороге стоял лейтенант Иван Истомин [INDEX]. Валя молча протянула ему мокрую бумажку . Иван забрал её, коротко кивнул и исчез в темноте коридора .

Глава III: Горячий завтрак сорокового

14 декабря 1939 года. Ближняя дача в Кунцево. 01:45.

За глухой портьерой Малого коридора, прямо у телефонной ниши, дышать было нечем. Пахло застоявшимся одеколоном «Тройной», сырым сукном и тяжелым перегаром. Начальник охраны Николай Власик, грузный, раскрасневшийся после вечерней стопки, навалился всей своей медвежьей тушей на двадцатилетнюю Валю, прижав её лопатками к дубовому косяку.

— Ну чего ты ломаешься, девка? — хрипло сипел Власик, ловя её губы и больно зажимая тонкое запястье своей огромной, волосатой ладонью. — В Туле на фабрике ты за копейку корячилась, а здесь у меня в шелку ходить будешь. Братьев твоих на рыбпром Истринский я пристроил? Я. Одно мое слово Хозяину — и ты обратно в красильный чан полетишь. С вещами на выход. Поняла, дура? Поцелуй, говорю.

Валя упиралась обеими руками в его сытую, жесткую гимнастерку, упрямо отворачивая лицо. На её круглых щеках горели пятна стыда и злости, но кричать на Ближней даче было нельзя — за это увольняли мгновенно.

— Пустите, Николай Сидорович... Пустите, Бога ради, — давясь от слез, шептала Валя, пытаясь вывернуть руку. — Чай на раздаче стынет, Хозяин звать будет... Нешто можно так? У меня жених есть...

— Кто жених? Ванька этот, лейтенантишко? — Власик зло хмыкнул и сильнее рванул на себя ворот её кофты, так что с сухим треском отлетела маленькая костяная пуговица. — Да я его завтра на Колыму по этапу сгною! Под ноги смотри, девка, кто перед тобой стоит!

Договорить комендант не успел.

Тяжелая портьера резко дернулась в сторону. Лейтенант Иван Истомин возник из темноты коридора бесшумно, как тень. Лицо его было белым, а серые глаза сузились до тонких щелок. Без единого слова, коротко и страшно, Иван шагнул вперед и жестко, с колена, пробил Власику под дых.

Начальник охраны со свистом выдохнул воздух, согнулся пополам и тяжело рухнул спиной на телефонный столик. Аппарат со звоном полетел на ковер. Власик хрипел, ловя ртом воздух и судорожно пытаясь дотянуться до кобуры своего наградного ТТ.

Иван мгновенно наступил тяжелым сапогом на его запястье, вдавливая руку коменданта в паркет, и перехватил рукоять собственного оружия. — Только дернись, Сидорович, — леденящим, абсолютно ровным голосом произнес Иван, склонившись над ним. — Отрежу руку. Прямо здесь. И Хозяину доложу, что ты пьяный в комендантский час на обслугу с кулаками бросался. Ты зажрался, генерал. Забыл, где находишься? Забыл, чьи это двери?

Власик замер, глядя на Истомина снизу вверх. Пьяный туман из его головы вылетел в секунду. Он перевел взгляд на побелевшую Валю, которая судорожно прижимала ладонь к разорванному вороту кофты, затем снова на Ивана. Комендант понял, что этот молчаливый парень из личной разведки Сталина стрелять будет без предупреждения. Хозяин за бабство не щадил никого.

— Ладно... Лаврентьевский щенок... — прохрипел Власик, вытирая пот со лба свободной рукой. — Убери сапог. Пошутил я. Девка деревенская, шуток не понимает. Земля круглая, Истомин. Столкнемся еще.

— Увижу еще раз рядом с ней — закопаю в ближнем лесу. Власик, ты меня знаешь, я дважды говорить не стану, — Иван медленно убрала ногу, подхватил Валю за локоть и быстро увлек её в глубину полутемной кухни, подальше от коридора охраны.

Там, у раздаточного стола, под единственной матовой лампочкой, Валю затрясло. Слезы наконец брызнули из глаз. Иван привлек её к себе, крепко, до хруста костей обнял за плечи и уткнулся лицом в её волосы, пахнувшие клюквенным вареньем и сухим мылом.

— Всё, Валуша, тихо... Успокойся, маленькая моя, — горячо шептал он ей на ухо, глядя по голове. — Больше он не сунется. Сдохнет, а не сунется. Я с Берией поговорю негласно, мы на этого борова давно материал копим. Потерпи. Скоро весна, уедем в Тулу, распишемся тихонько.

Валя уткнулась носом в его жесткую суконную шинель, впитывая его табачное тепло, и тихо кивнула. Вокруг них ворочалась огромная, смертоносная империя, за стеной вожди чертили военные карты, а здесь, в темном углу Кунцевской дачи, они судорожно хватали свои короткие секунды жизни. Иван коротко поцеловал её в соленые от слез губы, помог поправить разорванный воротник и подтолкнул к двери столовой: «Иди, Валя. Хозяин ждет чай. Работаем».

В Малой столовой пахло сырым сукном и дешевой махоркой. На столе стоял густой пар от мисок с наваристыми кислыми щами из свиной грудинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.